

Н. В. БОРИСОВА

**КОГДА ЯЗЫКИ В ОГНЕ:
ОСПАРИВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ
РЕЖИМОВ КАК ВЫЗОВ БАЛАНСУ
В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ**

УДК 321
ББК 66.0
Б82

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (проект № 15-18-00034)
в Пермском государственном национальном
исследовательском университете*

Борисова Н. В.

Б82 Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях / Н. В. Борисова. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 189 с. – (Политология России).

ISBN 978-5-8243-2164-7

Монография Н. В. Борисовой посвящена проблеме политизации языка и поддержания межэтнического баланса в сложноустроенных полициях. На примере Индии, Великобритании, Боснии и Герцеговины, Сербии и Испании и этнических региональных автономий в составе этих стран показано, как в условиях оспаривания статуса языков этнических меньшинств решаются проблемы обеспечения их прав и сохранения территориальной целостности государств. С помощью межстрановых и внутривосточных сравнений выявлены конфигурации структурных и агентских факторов, а также контекстуальных условий, оказывающих влияние на направленность языковой преференциальной политики и тип языкового режима. Основное внимание автор уделяет поиску ответа на вопрос о том, как связаны между собой содержание языковой преференциальной политики, спрос на нее и складывающиеся в сообществе и его сегментах практики использования языков.

Книга предназначена для специалистов в области политологии, социологии, политического управления, студентов и аспирантов.

УДК 321

ББК 66.0

ISBN 978-5-8243-2164-7

© Борисова Н. В., 2017

© Политическая энциклопедия, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	4
Список таблиц и рисунков	5
Таблицы	5
Рисунки	5
Введение	7
Глава 1. Языковая преференциальная политика и «языковой режим»: концептуальный и типологический анализ	16
§1. Модели языковой преференциальной политики	16
§2. Политизация языка: феномен «борьбы за язык» в контексте функционирования языковых режимов	26
Глава 2. Этнолингвистическая структура общества: языковые политики и языковые режимы в Индии	39
Глава 3. Политизация языка на пост-югославском пространстве: исторические условия и политический контекст	65
§1. Распад государства и политизация языка: «языковой режим разъединения» в Боснии и Герцеговине	65
§2. Политический контекст деполитизации языка: «языковой режим объединения» в Сербии	83
Глава 4. Запрос на язык: курс на билингвизм и траектории трансформации языковых режимов в испанских автономиях	109
Глава 5. Субъекты борьбы за язык и агенты языковой преференциальной политики в Великобритании	138
Заключение	169
Библиография	174
Приложения	182

ВВЕДЕНИЕ

Представление о том, что язык является «условием возникновения этнической общности, символом и защитой группового единства, сохранения этнокультурной самобытности»¹ и является одним из факторов самоидентификации индивида и формирования групповой идентичности «посредством практик и систем взаимодействия индивида и государства, личности и власти»², позволяет относить язык к феноменам политики³. Н. Борманн, Л. Цедерман и М. Вогт эмпирически доказывают, что язык по сравнению с религией играет более значимую роль в разворачивании этнических конфликтов, поскольку языковые различия лучше (проще) осознаются индивидом, особенно в случаях, если этническая идентичность основывается на языке⁴. Р. Брубейкер объясняет это тем, что публичная жизнь может быть арелигиозной, но не может быть алигвальной, а значит, язык в ряду иных маркеров этничности в большей степени и дольше политизирован⁵. Однако следует уточнить, что в данном случае речь идет не о языке как таковом, а о *требованиях* права использовать родной для этнической группы (меньшинства) язык как в частной, так и пу-

---

¹ Озаева О. В. Этнонациональное измерение языковой правовой политики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 28.

² Carla A. Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano // Ethnopolitics. June 2007. № 2. Vol. 6. P. 285–313.

³ Мухарямов Н. М., Януш О. Б. Языковые сообщества как форма международно-политического взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. М., 2009. Vol. 6. P. 37–47; Bormann N.-Ch., Cederman L.-E., Vogt M. Language, Religion, and Ethnic Civil War // Journal of Conflict Resolution. August 24, 2015. P. 1–28; Brubaker R. Language, Religion and the Politics of Difference // Nations and Nationalism. 2013. № 19. P. 1–20; Carla A. Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano // Ethnopolitics. June 2007. № 2. Vol. 6. P. 285–313; Liu A. Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes. Philadelphia, 2015.

⁴ Bormann N.-Ch., Cederman L.-E., Vogt M. Language, Religion, and Ethnic Civil War // Journal of Conflict Resolution. August 24, 2015. P. 5.

⁵ Brubaker R. Language, Religion and the Politics of Difference // Nations and Nationalism. 2013. № 19. P. 5–6.

бличной сферах. Язык политизируется, становясь предметом политического спора и требований. Иными словами, феномен политизации языка мы можем обнаружить в тех случаях и ситуациях, которые можно обозначить как «борьбу за язык».

Что позволяет нам обнаружить «борьбу за язык» и как она связана с борьбой за власть и политическими взаимодействиями? Наиболее простым и распространенным в исследовательской литературе способом обнаружения феномена «борьбы за язык» является обращение к анализу этнополитических конфликтов, в которых язык, как маркер этничности, выступает в качестве ресурса политической борьбы⁶. Анализируя лингвистически обусловленные этнополитические конфликты, исследователи, как правило, акцентируют внимание на характеристике языковых требований и/или характеристике содержания языковой политики с точки зрения разрешения этнополитического конфликта и удовлетворения требований относительно прав этноязыковых меньшинств. Предметом таких исследований становится языковая политика и как причина, и как результат «борьбы за язык»⁷.

Следует отметить, что «борьба за язык» в таком контексте есть и существует почти всегда как борьба за права носителей миноритарных языков. В политологической литературе именно такой ракурс рассмотрения феномена «политизации языка» является доминирующим. Центральным элементом предметного поля таких исследований является языковая политика как система мер и действий, которые направлены на развитие языка, стимулирование или сдерживание контактов и конкуренции между языками в сообществе. Речь идет о тех исследованиях языковой политики, которые акцентируют внимание на вопросе о том, *какой должна быть* языковая политика для обеспечения реализации индивидуальных и/или групповых языковых прав

---

⁶ Семененко И., Лапкин В., Пантин В. Типология этнополитической активности: методологические вызовы «Большой теории» // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 71.

⁷ Arel D. Political Stability in Multinational Democracies: Comparing Language Dynamics in Brussels // Multinational Democracies / ed. by Al-G. Gagnon, J. Tully. Cambridge, 2001; Hoffmann Ch. Balancing Language Planning and Language Rights: Catalonia's Uneasy Juggling Act // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2000. № 5. Vol. 21. P. 425–441; Williams C. Language Policy and Planning Issues in Multicultural Societies // Understanding the Quebec Question / ed. by P. Larrivee. Basingstoke, 2003; Williams C. Perfidious Hope: The Legislative Turn // Regional and Federal Studies. 2013. № 1. Vol. 23. P. 101–122; Озаева О. Этнонациональное измерение языковой правовой политики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008.

и прав меньшинств⁸. Сведение «борьбы за язык» к борьбе за права меньшинств обуславливает преимущественно нормативное понимание этого феномена, во-первых, и трактуется как универсальный для глобализирующегося мира тренд, во-вторых.

Но «борьба за язык» может быть и борьбой за сохранение status quo, понимаемого в том числе как сохранение территориальной целостности политики. Такой взгляд на феномен языка и связанные с ним политические курсы, а также их восприятие в сообществе дает возможность обсуждать его политическое измерение в контексте изучения проблемы поддержания территориальной целостности политики. Речь идет о комплексном изучении проблем обеспечения территориальной целостности государства и способов разрешения этнополитических конфликтов, которые в лингвистически фрагментированных и институционально сложноустроенных политиках обусловлены публично-правовым статусом языка и позитивным или негативным его (статуса) восприятием. Именно в таких политиках комплексная проблема национального строительства, конструирования гражданской идентичности и поддержания территориальной целостности является жизненно важной и требует постоянной политико-институциональной настройки и эффективных инструментальных решений, имплементация которых делает их (политики) сложноустроенными в политико-институциональном отношении.

---

⁸ Alexander N. Language Policy and National Unity in South Africa/ Azania. Cape Town, 1989; Brubaker R. Language, Religion and the Politics of Difference // Nations and Nationalism. 2013. № 19. P. 1–20; Busch B. Linguistic Rights and Language Policy: A South–North Dialogue // Education As Change. July 2013. № 2. Vol. 17. P. 209–218; Carla A. Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano // Ethnopolitics. June 2007. № 2. Vol. 6. P. 285–313; Delarue S., De Caluwe J. Eliminating Social Inequality by Reinforcing Standard Language Ideology? Language Policy for Dutch in Flemish Schools // Current Issues in Language Planning. April 2015. № 1–2. Vol. 16. P. 8–25; Patten A. Political Theory and Language Policy // Political Theory. 2001. № 5. Vol. 29. P. 691–715; Schiffman H. Linguistic Culture and Language Policy // Taylor & Francis e-Library, 2002; Spolsky B. Language Policy. Cambridge, 2004; Williams C. Language Policy and Planning Issues in Multicultural Societies // Understanding the Quebec Question / ed. by P. Larrivee. Basingstoke, 2003; Williams C. Perfidious Hope: The Legislative Turn // Regional and Federal Studies. 2013. № 1. Vol. 23. P. 101–122; Kymlicka W. Politics in the Vernacular. Oxford, 2001; Каневский А. Языковая политика как вид национальной политики государства // Философия права. № 4 (71). Ростов-на-Дону, 2015. С. 47–51.

Речь в данном случае идет о полициях, определяемых как этнические или смешанные федерации, а также унитарные государства с особыми автономными регионами в их составе, маркируемые Л. Андерсоном и Я. Гаи как «federacies», для которых характерно предоставление унитарным государством территориальной автономии одной или нескольким этническим группам⁹ – региональной (территориальной) автономии (далее – ЭРА). Автономия субъектов в составе федераций и регионов в составе federacies такова, что ее одностороннее аннулирование центром блокируется конституцией или специальным соглашением. ЭРА включает два важных элемента: систему power-sharing¹⁰ и набор преференциальных политик. В первом случае речь идет об институционализации системы представительства/участия группы в органах публичной власти. Во втором – о решениях в отношении обеспечения особых прав группы – преференциальных политических курсах.

Именно второй компонент – преференциальные политики – оказывается общим как для этнических и смешанных федераций, так и политий, которые в теории федерализма получили название «federacies». Языковая политика в подобных случаях становится преференциальной и крайне важной в качестве инструмента обеспечения баланса в лингвистически фрагментированных, трансформирующихся и усложняющихся обществах, которые делают выбор в пользу комплексного, многоуровневого политико-институционального устройства. Языковая преференциальная политика является частным случаем языковой политики как таковой и обеспечивает не только сохранение и воспроизводство титульного для региона языка, а также (в некоторых случаях) миноритарных языков, носителями которых являются нетитульные этнические группы, но решает задачу обеспечения (сохранения) территориальной целостности государства. Одновременное, взаимно увязанное решение этих двух политических задач возможно через категорию баланса. К. Сулимов предлагает рассматривать ЭРА как один из возможных *способов*

---

⁹ Anderson L. Federal Solutions to Ethnic Problems. Accommodating Diversity // Exeter Studies in Ethno Politics / ed. by G. Stansfield. Exeter, 2013. P. 6; Ghai Y. Autonomy and Ethnicity. Negotiating Competing Claims in Multi-ethnic States. Cambridge, 2000. P. 9.

¹⁰ Под power-sharing понимается такое политико-институциональное устройство, которое обеспечивает распределение политической власти между различными этническими сегментами/группами и их совместное участие в процессе принятия политических решений.

установления и поддержания баланса, который, будучи социально-политическим конструктом, создается, воспроизводится и, вероятно, может быть нарушен в ходе политического процесса, куда вовлечены конкретные акторы политики¹¹. Языковая преференциальная политика как элемент ЭРА, таким образом, может как обеспечивать, так и нарушать этот баланс, а ее субъекты и бенефициары оказываются участниками политических взаимодействий, в условиях которых этот баланс функционирует.

Феномен «борьбы за язык» требует выявления не только условий институционализации и реализации языковой преференциальной политики, но и объяснения связи между спросом на такую политику и практиками использования языка(-ов) в сообществе в контексте политико-институционального обеспечения территориальной целостности сложноустроенной политики. Для понимания и объяснения этой связи предлагается использовать понятие «языковой режим», которое в политологической литературе обычно используется для описания правил, регулирующих распространение и использование языка в сообществе¹².

Так, подход, предлагаемый Э. Лю, отличает нормативизм, поскольку она определяет языковой режим исключительно как «правила, регулирующие использование языка в сообществе». Л. Кардинал предлагает определять понятие «языковой режим», исходя из политического контекста, в котором он формируется, и связывать его характеристики с гражданской (политической) идентичностью:

---

¹¹ Понятие баланса выработано К.А. Сулимовым в рамках реализации исследовательского проекта «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств» при финансовой поддержке РФФ (№15-18 00034) (Научный руководитель проекта д. полит. н., доцент, профессор кафедры политических наук ПГНИУ Панов П.В.). Сайт проекта: http://identityworld.ru/index/atlas_era/0-4

¹² Pool J. Language Regimes and Political Regimes // Language Policy and Political Development. Norwood; New Jersey, 1990; Pool J. Optimal Language Regimes for the European Union // International Journal of the Sociology of Language. 1996. № 121. P. 159–179; Cardinal L. Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // Working Paper. Helsinki. February 2012. № 2; Carla A. Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano // Ethnopolitics. June 2007. № 2. Vol. 6. P. 285–313; Liu A. Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes. Philadelphia, 2015; Gazzola M. The Evaluation of Language Regimes. Theory and Application to Multilingual Patent Organisations. Amsterdam; Philadelphia, 2014.

«Политическое сообщество всегда является языковым сообществом, а язык признаком, определяющим нации или государства»¹³. Л. Кардинал совместно с С. Зоннтаг¹⁴, хотя и сводят воедино государственную политику и языковые практики, но не объясняют, *как связаны* между собой содержание языковой преференциальной политики, спрос на нее и складывающиеся в сообществе и его сегментах практики использования языка(-ов) в контексте политико-институционального обеспечения территориальной целостности сложноустроенной политики. Непроясненность этого вопроса требует концептуального уточнения понятия «языковой режим» как элемента системы политических взаимодействий на различных уровнях власти в сложноустроенных политиях и выявления набора и конфигураций факторов и условий, оказывающих влияние на вариативность языковых режимов.

Эти связи носят сложный характер. Тип языкового режима зависит как от этноязыковой структуры сообщества, так и от особенностей, масштаба и направленности языковой преференциальной политики, которую, в свою очередь, также определяют структурные факторы и контекстуальные условия. При объяснении логики и направленности политических процессов, политико-институциональных изменений и обусловленности решений исследователи нередко обращаются к анализу контекста (например, политические и исторические условия) и структурных характеристик общества и окружающей среды (демографические и экономические особенности). В последнем случае речь идет о структурном подходе, который можно встретить и в исследовательской литературе, посвященной анализу языковой политики.

На сегодня наиболее масштабной и эмпирически фундированной является работа Э. Лю, посвященная исследованию зависимости между численностью этноязыковой группы и масштабом признания ее прав на родной язык¹⁵. Ссылаясь на эмпирические данные относительно признания миноритарных языков в политиях с разными политическими режимами, она указывает на то, что в общем и целом

---

¹³ Cardinal L. Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // Working Paper. Helsinki. February 2012. № 2. P. 4.

¹⁴ Cardinal L., Sonntag S. State Traditions and Language Regimes: A Historical Institutionalism Approach to Language Policy // European and Regional Studies. 2015. № 8. P. 5–21.

¹⁵ Liu A. Democracy and Minority Language Recognition: Tyranny of the Majority and the Conditional Effects of Group Size // Democratization. 2017. № 3. P. 544–565.

данные свидетельствуют о том, что демократии признают миноритарные языки вдвое чаще, чем авторитарные режимы. Однако объяснение признания миноритарных языков контекстуальными условиями является неудовлетворительным. Более значимым, считает Э. Лю, является не политико-институциональный контекст, а численность группы-носителя миноритарного языка, которая влияет на масштаб его признания. В своем исследовании она показала, что, хотя демократии чаще (по сравнению с автократиями) признают миноритарные языки, масштаб признания зависит от величины этноязыковой группы и ее территориальной концентрации. Дополнительными факторами могут выступать типы избирательной и партийной систем, функционирующих в политике.

Особенность этого исследования Э. Лю заключается, во-первых, в том, что зависимость степени признания языка (как результат принятия решений относительно прав этноязыковых меньшинств) от численности этноязыковой группы автор тестирует на примере системы образования: от непризнания и невключения миноритарного языка в школьные программы до обучения на нем. Вопрос, насколько широко используется миноритарный язык(и) на иных (кроме системы образования) аренах общественного взаимодействия, Э. Лю не изучает.

Во-вторых, она не рассматривает решения относительно миноритарных языков именно как *специальный преференциальный политический курс*, который касается этнических региональных автономий, с одной стороны, и является частью системы преференциальных политик, с другой. Но необходимо учитывать наличие иных преференциальных политик, которые, вероятно, могут восприниматься обществом и его членами, а также политическими акторами как более значимые или, напротив, незначимые. Последнее означает, что, наряду с учетом этнической структуры общества и политико-институционального контекста в качестве ведущего и дополнительного факторов, следует иметь более широкий набор допущений относительно того, что и как влияет на масштаб языковой преференциальной политики.

Однако с тезисом Э. Лю о доминирующей роли этнолингвистической структуры общества в наборе иных структурных факторов и контекстуальных условий развертывания «борьбы за язык» и институционализации языковой преференциальной политики можно согласиться лишь частично. Представляется, что важна не столько сама по себе численность этноязыковой группы, но ее соразмерность с другим группами в обществе в территориальном измерении. Речь идет как о доли группы в целом в структуре общества, в структуре

ЭРА, так и о территориальной концентрации группы и ее сегрегированности от других групп в границах ЭРА. Кроме того, важным является показатель этнолингвистической фракционализации и ее соотношение с фракционализацией религиозной. Эти характеристики позволяют комплексно рассматривать этноязыковую структуру общества как фактор языковой преференциальной политики.

Этноязыковая структура оказывается по-разному значима для характера и масштаба языковой преференциальной политики в зависимости от иных факторов и условий. В качестве корректирующих связь между этнолингвистической структурой общества и масштабом преференциального регулирования языка и практик его использования могут выступать иные факторы структурного порядка, среди которых наибольший интерес вызывает уровень экономического развития и степень финансового благополучия общества. Это прежде всего экономические характеристики политики и входящих в ее состав ЭРА. Языковая политика как комплекс мероприятий требует серьезных финансовых вложений. Как минимум, для того чтобы допустить изучение миноритарного языка в школах, необходимо обеспечить как методическую (разработка и модернизация методик и технологий обучения языку; печать учебников и методических пособий), так и ресурсную (подготовка преподавателей языка, постоянное повышение их квалификации) поддержку. Внедрение образовательных программ, предполагающих обучение на миноритарном языке, требует еще больших усилий: подготовка учителей-предметников и методическое сопровождение их работы. Или, например, решение о наделении миноритарного языка статусом одного из языков администрирования и судопроизводства означает ведение делопроизводства на языке, что в свою очередь требует наличия в штате администраторов и делопроизводителей-переводчиков. Очевидно, что эти траты производятся исключительно из средств государства (в лице центрального и/или регионального, и/или местного правительства). Более богатая и в ресурсном отношении обеспеченная страна (регион), вероятно, осуществляет более комплексную, глубокую и масштабную языковую преференциальную политику, которая обеспечивает баланс в межэтнических отношениях.

Следует учитывать контекстуальные условия. Это политико-исторические условия формирования (выделения) и институционализации сложноустроенной политики и ЭРА в ее составе, а значит, и набора преференциальных политик, который в свою очередь зависит от наличия/отсутствия иных (кроме языка) маркеров этнорегиональной идентичности, обладающей актуальной или потенциальной конвер-

тируемостью в требования региональной автономии. Исторические условия могут быть сопряжены с процессами: 1) выстраивания имперской политики метрополии в отношении своих колоний; 2) распада империй и государства; 3) демократизации политики. Маркерами этнорегиональной идентичности могут выступать религиозная принадлежность и культурное наследие, традиции. В этих условиях особое значение приобретают степень радикальности расколов и требований автономии и сепарации в сообществе. Расколы, принимающие форму вооруженного конфликта и даже войны, вероятно, делают статус языка не просто предметом требований, но сам язык и его статус приобретает символическое значение для участников конфликта/войны. Здесь важен вопрос о том, как соотносятся прагматический спрос на регулирование практик использования миноритарного языка(ов) в сообществе и символическое восприятие членами общества своего права на этот язык.

Спрос на язык и требования относительно статуса языка, равно как дискуссия и принятие решений о его статусе, позволяют обсуждать вопрос об агентских факторах языковой политики. Речь идет, во-первых, о массовом восприятии родного языка в сообществе, спросе на право использовать его в коммуникациях на различных аренах взаимодействия. А во-вторых, о субъектах языковой преференциальной политики, состав и характеристики которых, как представляется, с одной стороны, могут быть обусловлены этнолингвистической структурой сообщества, а с другой – влияют на силу и масштаб регулирования проблемы языка. Именно субъекты языковой преференциальной политики производят этнолингвистическую мобилизацию, артикулируют и продвигают соответствующие требования.

Таким образом, в центре внимания настоящего исследования находятся *факторы вариативности* языковых преференциальных политик и обуславливаемых ими языковых режимов в контексте политических взаимодействий на различных уровнях власти в сложноустроенных полициях. Эмпирическим фокусом настоящего исследования являются примеры реализации языковой политики как на национальном, так и субнациональном уровнях в сложных в административно-территориальном и политико-институциональном отношении полициях, таких как Индия, Босния и Герцеговина, Сербия, Испания и Великобритания. Выбор этих стран позволяет провести как межстрановые, так и внутривосточные сравнения условий и факторов институционализации и направленности языковых преференциальных политик и обуславливаемых ими языковых режимов в сложноустроенных полициях на разных уровнях власти.

Глава 1. ЯЗЫКОВАЯ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И «ЯЗЫКОВОЙ РЕЖИМ»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

§1. Модели языковой преференциальной политики

В научной литературе широко распространено понимание языковой политики как системы мер и действий, направленных на развитие языка, стимулирование или сдерживание контактов и конкуренции между языками в сообществе. Так, А. Каневский подчеркивает, что языковая политика обеспечивает защиту и развитие этнонациональных языков, что способствует утверждению социальной солидарности, межэтнической толерантности и снятию этнонациональной напряженности¹. Фактически автор увязывает содержание языковой политики и ее реализацию с возможными механизмами снижения этнополитической напряженности, понимая под такой политикой целенаправленную деятельность в отношении как корпуса, так и статуса языка. Сходной позиции придерживается и Д. Мустафина, которая определяет языковую политику как «деятельность государства по регулированию собственной языковой парадигмы для приведения ее в соответствие с целями и задачами национальной политики государства»². В качестве ведущего субъекта языковой политики исследователи, как правило, выделяют государство³.

Однако возможна и иная характеристика субъектного состава языковой политики. Речь идет о включении в состав ее субъектов

---

¹ Каневский А. Языковая политика как вид национальной политики государства // Философия права. 2015. № 4 (71). С. 47.

² Мустафина Д. Региональные языки: российский и европейский опыт языковой политики // Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана. URL: <http://addnt.ru/regionalnye-yazyki-rossijskijj-i-evr/> (дата обращения: 15.12.2016).

³ Хашимов Р. Очерки по языковой политике и культуре. Елец, 2003; Мустафина Д. Региональные языки: российский и европейский опыт языковой политики // Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана. URL: <http://addnt.ru/regionalnye-yazyki-rossijskijj-i-evr/> (дата обращения: 15.12.2016).

иных политических и социальных акторов. Например, А. Швейцер дает следующее определение языковой политики: «Языковая политика – это совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения употребляющихся лингвистических норм»⁴. Ему фактически вторит В. Клоков, определяя языковую политику как «осознанное и целенаправленное воздействие на функциональную и структурную области языка со стороны официальных и неофициальных лиц, общественных организаций, партий, правительств, классов»⁵. Б. Цыбденова, ссылаясь на Р. Каплана, отмечает, что языковую политику, как целенаправленное воздействие на язык, помимо государства могут осуществлять партии, общественные организации и движения, ученые, работники сферы образования⁶.

Безусловно, государство нередко видится исследователями в качестве доминирующего субъекта языковой политики. Как минимум, именно государство принимает решения относительно статуса языка, обладая для этого соответствующими компетенциями и полномочиями. Однако следует сделать несколько уточнений. Во-первых, имея в виду государство в качестве субъекта политики, мы должны различать центральную, региональную и даже местную власти, позиции и интересы которых по различным вопросам далеко не всегда едины. И их мнения относительно статуса и позиций того или иного языка, прав и интересов его носителей могут быть разными и даже не совпадающими.

Во-вторых, последнее слово нередко остается именно за государством. Но фактическое содержание принимаемых в отношении языка решений, содержание программ, направленных на обеспечение витальности языка и его защиту, могут определять и довольно часто определяют негосударственные акторы (партии, движения, ученые, эксперты, НКО), для которых эти вопросы оказываются политически значимыми по разным причинам. Для одних это могут быть иде-

---

⁴ Швейцер А. Современная социоллингвистика: теория, проблемы, методы. М., 1977. С. 117.

⁵ Клоков В. Языковая политика во франкоязычных странах Африки. Саратов, 1992. С. 92.

⁶ Цыбденова Б. Понятия «языковая политика» и «языковое планирование» в отечественной и американской социоллингвистике // Сохранение и развитие языков и культуры коренных народов Сибири. Абакан, 2016. С. 89.

ологически и нормативно обусловленные задачи сохранения прав меньшинств. Для других – символические требования поддержки культуры и традиции. Для третьих – прагматическая цель обеспечить себе победу на выборах. Причем в каждом отдельном случае эти мотивы могут сочетаться самым причудливым образом.

Наконец, в-третьих, включение в субъектный состав – наравне с государством – иных участников политических взаимодействий позволяет понимать языковую политику (policy) не только как решение и набор мер, ее реализующих, а шире, включая такие фазы политического процесса, как борьба за повестку, артикуляция интересов, их агрегация, лоббирование, согласование и т.п. Аренами взаимодействия и борьбы становятся не только парламент и правительство, но и другие площадки публичной политики, например СМИ и университеты.

Следуя этой логике, принципиально важной является концептуализация языковой политики Н. Мухарямовым, который предлагает различать «языковую политику» и «политику языка». Он пишет: «...Языковая политика (language policy), предполагает проведение определенного курса, опирающегося на процедуры принятия решений, тогда как политика языка (language politics или politics of language) – это скорее некоторая область деятельности или отношений между разнородными акторами»⁷. Такой взгляд на сущность политики в отношении языка (и как policy, и как politics) позволяет в конструктивистской логике определять модели ее реализации, включающие в себя как цели и ресурсы субъектов политики (policy), складывающиеся между ними (субъектами) альянсы и коалиции, так и ее эффекты с точки зрения артикулируемого бенефициарями и реципиентами спроса на содержание политики и оценки ими ее результатов. При этом «языковая политика» (policy) и «политика языка» (politics) оказываются имманентно взаимосвязанными и взаимообусловленными.

Объектом языковой политики является язык. И это может быть как корпус языка, так и его статус, что позволяет различать корпусное и статусное языковое планирование, понимаемое как реализация языковой политики. Различают два вида языкового планирования: планирование относительно корпуса языка (corpus language planning) и

---

⁷ Мухарямов Н. М. Политика языка и языковая политика // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М., 2017. С. 691–699.

планирование относительно статуса языка (*status language planning*)⁸. Решения относительно норм и правил используемого сообществом языка составляют планирование, касающееся корпуса языка. Эта группа решений чаще всего связана с вопросами грамматики и лексики, которые не столь часто имеют сколько-нибудь политическое значение. Вместе с тем именно к таким решениям следует относить реформы языка, включающие, например, смену алфавита или разрешение параллельного использования в письменной речи двух и более алфавитов. Показательными в этом плане оказываются примеры как замены арабской вязи в конце 1920-х гг. на латиницу в Турции или переход Молдавии с кириллицы на латиницу при сохранении кириллического скрипта в Приднестровье после развала СССР, так и неудавшихся попыток латинизации алфавита в Чечне и Татарстане в 1990-е гг. в период децентрализации и максимального ослабления в России федерального центра. Последние два случая следует рассматривать не только как функциональное измерение языковой политики, но и как символическое воплощение требований регионализма и сецессии, безусловно сопряженные с проблемой территориальной целостности России.

Планирование относительно статуса языка включает решения о политико-правовом положении языка, а также решения об организации системы его преподавания и изучения, которые оказывают непосредственное влияние на жизнь сообщества. Во всяком случае, при исследовании языковой политики именно сфера образования, как арена импликации языковой политики и одновременно канал ее реализации, оказывается в центре внимания исследователей. Во многом интерес к сфере образования обусловлен тем, что данные о преподавании языка (язык как предмет) и/или выстраивании системы обучения на нем (*language of instruction* или *language medium*) доступны для исследователей и могут быть использованы в компаративных целях. В этом отношении показательны работы Э. Лю, которая на примере стран Юго-Восточной Азии показывает зависимость вариантов включения в образовательные программы миноритарных языков (как предмет или как средство обучения) от этнолингвистической структуры общества⁹.

---

⁸ Gadelii K. *Language Planning: Theory and Practice. Evaluation of Language Planning Cases Worldwide*. UNESCO, 1999. P. 5.

⁹ Liu A. *Democracy and Minority Language Recognition: Tyranny of the Majority and the Conditional Effects of Group Size // Democratization*. 2017.

Языковая политика – это политика, которая оказывает воздействие на язык. Языковая политика является преференциальной, если обеспечивает сохранение и воспроизводство титульного для регионального сообщества языка, а также (в некоторых случаях) миноритарных языков, носителями которых являются нетитульные для региона этнические группы. Собственно в этом и проявляются ее непосредственные и ожидаемые участниками политических взаимодействий эффекты. И. Скачкова пишет, что языковая политика может быть не только способом решения языковых проблем, но и выступать их источником в случае, если направлена «на ограничение в языковых правах, сопровождающееся уменьшением социальных, образовательных, экономических и политических возможностей»¹⁰. Выделенные два базовых эффекта реализации языковой политики позволяют ее классифицировать.

Российский социолингвист А. Швейцер предлагает различать дихотомии: 1) ретроспективную и перспективную; 2) централизованную и нецентрализованную; 3) конструктивную и деструктивную языковые политики¹¹. В первом случае речь идет о различении политики с точки зрения ее направленности в отношении корпуса языка. Так, ретроспективную политику отличает направленность на сохранение и поддержание корпуса языка, в то время как перспективная языковая политика изменяет его. И та, и иная политики имеют эффекты с точки зрения существующей языковой ситуации. Д. Гулинов приводит пример реализации перспективной языковой политики во Франции, частью которой стала стандартизация феминитивов в современном французском языке¹².

Однако в контексте настоящего исследования больше интереса представляют второй и третий способы характеристики языковой политики как направленные на изменение статуса миноритарного языка в сообществе. Во втором случае критериями для дифференциации являются степень обязательности языковой политики и ее

№ 3. P. 544–565; Liu A. Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes. Philadelphia, 2015.

¹⁰ Скачкова И. Классификация языковых политик в американской социолингвистике // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2011. № 2. С. 166.

¹¹ Швейцер А. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М., 1977.

¹² Гулинов Д. Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2015. С. 8.

территориальное измерение. Субъектом централизованной языковой политики выступает государство, а реализуемые в ее рамках меры имеют обязательный для всех характер. Децентрализованная языковая политика реализуется на региональном и местном уровнях (региональными/местными властями), и ее мероприятия касаются исключительно членов сообщества, проживающих в рамках региона/локуса.

В третьем случае критерием дифференциации является направленность реализуемых в отношении статуса языка мер. Конструктивная (или позитивная) языковая политика имеет позитивный характер и направлена на такое изменение статуса миноритарного языка, в результате которого происходит его витализация, стимулирование или поддержка его коммуникативных функций, расширение области его применения. Деструктивная языковая политика является негативной и даже может носить дискриминирующий по отношению к носителям миноритарного языка характер, поскольку лишает язык не только официального статуса, но может иметь целью полный запрет на его использование в обществе.

Фактически конструктивная и деструктивная разновидности языковой политики оказываются двумя полюсами, между которыми возможны вариации; наиболее известными из последних являются их разновидности, выделенные во второй половине XX в. Х. Клоссом и получившие название «схема классификации языковой политики»¹³. Эта схема включает четыре вида политик в отношении миноритарного языка: политика, направленная на продвижение и развитие языка («promotion-oriented policy»), языковая политика невмешательства («tolerance-oriented policy»), ограничивающая языковая политика («restriction-oriented policy») и запретительная языковая политика («repression-oriented policy»). В случае политики, ориентированной на продвижение языка, речь идет о комплексных институциональных решениях и масштабной ресурсной поддержке миноритарного языка со стороны государства, признание и закрепление за ним официального статуса. Вторая разновидность – «политика невмешательства» – означает фактическое неучастие государства в поддержке миноритарного языка. При этом государство не признает за ним официальный статус. Ограничивающая языковая политика отдает преференции доминирующему языку посредством регламентации его использования на рабочем месте (например, «только ан-

---

¹³ Kloss H. The American Bilingual Tradition. Rowley, 1977; Reprint: Washington, 1998.

глийский»). Запретительная языковая политика представляет собой крайне дискриминационную (негативную) по отношению к миноритарным языкам политику.

А. Каневский выделяет интегративную, исключительную и полиномиальную модели языковой политики. Первая является фактически моноязычной и направлена на языковую гомогенизацию общества¹⁴. При реализации такой политики в сфере образования лишь официальный (государственный) язык является языком обучения, а миноритарные языки если и включены в силлабусы, то лишь как предметы. Исключительная модель языковой политики хотя аналогична интегративной и направлена на языковую гомогенизацию общества, но при этом не оставляет для миноритарных языков даже минимальной возможности воспроизводства. Речь идет о фактическом запрете миноритарных языков, в т.ч. и недопущении их преподавания (в качестве предмета) в школах. Полиномиальная модель языковой политики является плюралистической, поскольку поддерживает витальность и «обеспечивает воспроизводство миноритарных для политики языков в сфере публичных отношений»¹⁵. Следует уточнить, что только первая и третья модели носят преференциальный характер, в то время как вторая, в случае если она реализуется на национальном (страновом) уровне, не приобретает в силу своего содержания преференциальный характер и фактически является негативной (или дискриминирующей) в отношении миноритарных языков. Но в том случае, если такого рода политика реализуется на субнациональном уровне, тогда исключительная модель языковой политики – по отношению к титульной группе региона – приобретает позитивный (преференциальный) характер, но дискриминирующий в отношении меньшинств (в случае их наличия) в составе регионального сообщества. Последнее означает необходимость не просто выделения в рамках анализа языковой политики уровней ее реализации и приложения – национального, субнационального (регионального) и локального, но их соотношения с такими характеристиками языковой политики, как направленность и эффекты.

Преференциальные решения относительно статуса языка можно характеризовать, исходя из масштаба (*глубины и универсальности*) регулирования вопросов использования языка на трех основных аренах общественных и межличностных взаимодействий: 1) образова-

---

¹⁴ Каневский А. Языковая политика как вид национальной политики государства // *Философия права*. 2015. № 4 (71). С. 48.

¹⁵ Там же.

ние, 2) управление, а также 3) масс-медиа и публичное коммуникативное пространство (см. табл. 1.1).

Таблица 1.1. Комплексность языковой преференциальной политики

		Масштаб (глубина и универсальность) языковой преференциальной политики		
		Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Арены приложения языковой преференциальной политики	Система образования	Образование ведется на языке титульной группы ЭРА на всех ступенях на всей территории	Образование ведется на языке титульной группы ЭРА в начальной и средней школе; сосуществуют несколько моделей билингвального обучения	Язык титульной группы ЭРА предлагается как предмет факультативно на любой из ступеней обучения
	Политико-правовая сфера	Язык титульной группы ЭРА имеет статус официального языка (равного), признанный национальной конституцией и региональным статутом; используется всеми органами власти на всех уровнях, включая судопроизводство и охрану правопорядка	Язык титульной группы ЭРА имеет статус официального регионального языка; используется всеми органами власти, включая судопроизводство и охрану правопорядка	Язык титульной группы ЭРА не имеет статуса официального регионального языка или имеет статус официального регионального языка, но используется только в делопроизводстве
	Масс-медиа и публичное пространство	Региональное правительство финансирует медийное вещание на языке титульной группы ЭРА, определяя долю программ, выходящих на этом языке; обязательное название и написание топонимов на языке титульной группы ЭРА	Региональное правительство определяет только долю программ, выходящих на этом языке титульной группы ЭРА; название и написание топонимов на языке титульной группы опционально	Региональное правительство не регулирует языковые аспекты медийного вещания в рамках ЭРА; возможно, но не обязательно вещание на языке ЭРА как частная инициатива; название и написание топонимов на языке титульной группы отсутствует